

# Ольга Старовойтова

Лифт перемен

Ольга Старовойтова

**Лифт перемен**

«Автор»

2026

## **Старовойтова О.**

Лифт перемен / О. Старовойтова — «Автор», 2026

Александра, Марина и Надежда — три совершенно разные женщины. Одна — успешная бизнес-леди с Крестовского, привыкшая держать всё под контролем. Другая — кассирша из Мурино, которая воспитывает подростка и не стесняется говорить прямо. Третья — интеллигентная учительница литературы, живущая с мамой на Большевиков и постоянно сомневающаяся в себе. Эти три мира никогда бы не пересеклись, если бы не роковая случайность. Однажды они оказались заперты в лифте бизнес-центра. Всего час — и их жизни перевернулись. Теперь они не просто товарищи по несчастью в поисках «того самого» мужчины. Они становятся настоящими подругами, которые поддерживают друг друга в радости и сомнениях. «Лифт перемен» — роман о том, как настоящая женская дружба рождается из хаоса повседневной жизни.

© Старовойтова О., 2026

© Автор, 2026

# Содержание

|                                   |    |
|-----------------------------------|----|
| Глава 1. Вебинар, лифт и судьба   | 5  |
| Глава 2. Чат создан               | 12 |
| Глава 3. Мурино                   | 22 |
| Конец ознакомительного фрагмента. | 34 |

# Лифт перемен

## Глава 1. Вебинар, лифт и судьба

Вебинар назывался «Ты достойна лучшего: семь шагов к мужчине своей мечты». Стоил девять тысяч девятьсот рублей — «почти даром», как было написано на сайте красными буквами со стрелочкой вниз, перечёркивающей предыдущую цену в двадцать четыре тысячи. Проходил он в бизнес-центре на Петроградской стороне, в конференц-зале с кофе-машиной, которая работала только для вида.

Александра приехала на десять минут раньше, припарковала белый Volvo XC60 и сразу пожалела, что приехала вообще. Зал был небольшой, стулья расставлены полукругом, на экране крутилась заставка со стоковой фотографией счастливой пары на закате — мужчина смотрел на женщину так, словно та только что сообщила ему о крупном наследстве. Александра достала телефон, проверила пульс. Семьдесят два. Норма. Хотя бы что-то сегодня в норме.

Надежда приехала ровно по расписанию и сразу забилась на крайний стул у стены. Телефон она выключила — мама не должна была знать, где дочь и зачем. Маме было сказано про «педагогический семинар по новым стандартам». Мама усомнилась, потому что мама всегда усомнилась, но отпустила, снабдив термосом с чаем и напутствием не разговаривать с незнакомыми мужчинами. Надежда термос оставила в сумке и изо всех сил старалась выглядеть так, будто оказалась здесь совершенно случайно.

Марина опоздала на семь минут, влетела в зал в куртке нараспашку, громко извинилась ни к кому конкретно и плюхнулась на первый попавшийся стул. Стул скрипнул. Несколько голов повернулось. Марина обвела зал взглядом, в котором читалось: «Чего уставились» — и полезла в сумку за телефоном считать, сколько уже набежало процентов по кредиту. Девять тысяч девятьсот. Плюс проценты. За семь шагов к мужчине своей мечты.

Она посчитала и убрала телефон.

Тренер — женщина лет пятидесяти пяти в малиновом пиджаке — говорила полтора часа. За это время она успела рассказать, что мужчины любят уверенных женщин, но не слишком; что нужно работать над собой, но не переусердствовать; что главное — оставаться собой, но лучшей версией себя. В конце она предложила купить индивидуальное сопровождение за сорок восемь тысяч — «инвестицию в своё счастье» — и раздала раздаточный материал на восьми листах, где всё это было написано ещё раз, только с инфографикой.

Александра дочитала до третьей страницы и сложила листы пополам. Ничего нового. Абсолютно ничего нового. Она могла бы сама написать этот вебинар — причём в обеденный перерыв.

Надежда слушала внимательно и даже конспектировала, хотя на третьем шаге поняла, что тренер, кажется, никогда не читала Тургенева и вообще имеет смутное представление о том, что такое настоящее чувство.

Марина на «инвестицию в счастье за сорок восемь тысяч» издала короткий звук, который в приличном обществе не принято транскрибировать.

После вебинара все три оказались у лифта одновременно — Александра потому что шла быстро, Надежда потому что хотела успеть на метро, Марина потому что лестницу не нашла. Бизнес-центр был старый, лифт — маленький, рассчитанный от силы на четырёх человек не крупного телосложения. Они вошли втроём, Александра нажала на «1», двери закрылись.

На отметке между вторым и первым этажом лифт встал.

Сначала была тишина.

Потом Марина сказала:

— Ну вот. Приехали.

Александра посмотрела на панель, нажала «1» ещё раз. Потом «открыть». Потом «1» снова. Ничего не произошло. Она нашла кнопку вызова диспетчера и нажала — из динамика донёлся долгий гудок, потом тишина, потом механический голос сообщил, что её звонок очень важен и ответят в порядке очереди.

— Они там что, колл-центр устроили? — сказала Марина. — В лифте?

Надежда стояла у задней стенки и молчала. Лифт был размером с приличный шкаф. Александра занимала ровно столько места, сколько ей было нужно — не больше, не меньше. Марина в расстёгнутой куртке занимала чуть больше, чем было в наличии. Пахло чужими духами, курткой и лёгкой тревогой.

— Не паникуем, — сказала Александра. Она обращалась, судя по интонации, к себе.

— Я не паникую, — немедленно откликнулась Марина. — Я злюсь. Это разные вещи.

Надежда тихо сказала:

— Может, покричать?

— Кому? — спросила Марина.

— Ну... на помощь.

— Мы не на «Титанике», — сказала Александра.

Она снова нажала вызов диспетчера. На этот раз ответили — сонный мужской голос произнёс «алло» так, словно его разбудили в три ночи, хотя было начало восьмого вечера.

— Мы застряли в лифте, — сказала Александра чётко. — Бизнес-центр на Петроградской, Лахтинская восемь. Между первым и вторым этажом. Нас трое.

— Понял, — сказал голос. — Ждите.

— Долго?

— Ну... — голос помолчал. — Час-полтора, наверное. Бригада на другом вызове.

Александра убрала телефон. Посмотрела на часы — умные, с датчиком кислорода в крови. Без восемнадцати восемь.

— Час-полтора, — сообщила она.

Марина закрыла глаза. Час-полтора. Девять тысяч девятьсот плюс проценты плюс час-полтора в лифте с двумя незнакомыми тётками. Жизнь определённо двигалась в правильном направлении.

— У меня сын дома один, — сказала она. — Подросток.

— Позвоните ему, — сказала Александра.

— Да звоню я, звоню. Не берёт трубку. — Марина набрала ещё раз, послушала гудки и убрала телефон. — Небось в наушниках сидит, весь мир отключил.

Надежда осторожно опустилась на пол — в лифте был поручень, она прислонилась к нему спиной.

— Вы что делаете? — спросила Марина.

— Сижу, — сказала Надежда. — Ноги устали. Я с утра на ногах.

— На полу лифта, — уточнила Александра.

— Ну да.

Александра и Марина переглянулись. Это был их первый момент молчаливого согласия.

Прошло минут десять. Марина попробовала позвонить сыну ещё раз — безрезультатно. Написала сообщение: «Антон, я застряла в лифте, буду позже, не жди, поешь сам». Подумала и добавила: «Там в холодильнике макароны». Подумала ещё и добавила: «Не только чипсы». Отправила.

Надежда на полу листала что-то в телефоне. Потом подняла голову.

— А вы не боитесь, что он... что кислород кончится?

— В лифте? — переспросила Александра.

— Ну, мы дышим. Втроём. А вентиляция...

— Кислород не кончится, — сказала Александра. — Лифт не герметичен. Успокойтесь.

— Я спокойна, — сказала Надежда таким голосом, каким спокойными не бывают.

— Вы первый раз застряли в лифте? — спросила Марина.

— Да.

— Бывает хуже. Я однажды в маршрутке застряла на три часа — пробка на ЗСД. И туалета рядом не было.

Надежда посмотрела на неё с осторожным интересом, как смотрят на незнакомое животное, которое, кажется, не кусается.

— Меня Надя зовут, — сказала она.

— Марина. — Марина кивнула на Александру. — А вас?

— Александра.

— Просто Александра? — спросила Марина. — Не Саша?

— Александра, — повторила та.

Марина пожала плечами — ладно, Александра так Александра, барыня.

Помолчали. Лифт слегка поскрипывал, но с места не двигался.

— Вы тоже были на этом... — Надежда замялась, подбирая слово, — ...мероприятии?

— На вебинаре, — сказала Марина. — Можно называть вещи своими именами. Вебинар по поиску мужика. За десять тысяч.

— Девять девятьсот, — поправила Александра.

— Велика разница.

— Ну и как вам? — спросила Надежда. — Показалось... полезным?

Марина посмотрела на неё долгим взглядом.

— Надя, я взяла на это кредит.

— О.

— Вот именно — О. Кредит. На девять девятьсот. И теперь сижу в лифте и вспоминаю, как мне объясняли, что мужчины любят уверенных женщин, но не очень. Спасибо, я это и так знала. Бесплатно.

Александра чуть наклонила голову.

— Вы взяли кредит на вебинар?

В её голосе не было осуждения. Был только лёгкий профессиональный интерес человека, который занимается финансами и не может его выключить.

— А что? — Марина вздёрнула подбородок. — Не все миллионы получают.

Александра помолчала секунду.

— Я просто спросила.

— Ага. Просто. — Марина засунула руки в карманы куртки. — Вы так спросили, что я почувствовала себя на собеседовании.

— Извините.

Это, судя по всему, далось Александре без особого труда — она умела извиняться коротко и без лишних эмоций. Что Марину почему-то раздражило ещё больше.

Надежда на полу переводила взгляд с одной на другую с видом человека, читающего пьесу, в которой реплики идут быстрее, чем он успевает осмыслить.

— А моя мама не знает, что я здесь, — сообщила она вдруг.

— В лифте? — спросила Марина.

— На вебинаре. Я сказала, что на семинаре. Педагогическом.

— Сколько вам лет? — спросила Марина.

— Сорок два.

— И вы маме докладываете, куда идёте?

Надежда немного смутилась.

— Мы живём вместе. Это... ну, это сложно объяснить.

— Да всё просто объясняется, — сказала Марина, но без злости. — Моя мама такая же была. Пока не умерла, царствие небесное.

Надежда не нашлась, что ответить и снова уставилась в телефон. На экране у неё, как успела заметить Александра, было открыто что-то про Тургенева.

Прошло ещё минут двадцать. Марина нашла в сумке мятную карамельку, подумала и предложила остальным. Александра отказалась — сахар. Надежда взяла, поблагодарила таким тоном, будто ей вручили орден.

— Слушайте, — сказала Марина, разворачивая свою карамельку, — а вам вообще помогло хоть что-нибудь? Ну, из всего этого? Тренинги, вебинары, приложения для знакомств?

Пауза.

— Нет, — сказала Александра.

— Нет, — сказала Надежда.

— Вот и мне нет. — Марина закинула карамельку в рот. — Три года пробую. Один оказался женат, второй жил с мамой и это была его главная тайна, третий ничего не скрывал, просто был дурак.

— У меня был один, — сказала Надежда осторожно, — который читал стихи. Я думала — вот, близкий по духу человек. А он их читал всем женщинам подряд. Один и тот же набор. Я потом случайно узнала.

— Рабочий метод, — сказала Марина.

— Гнусный, — сказала Надежда с неожиданной твёрдостью.

Александра смотрела на носки своих туфель.

— Я не хожу на вебинары обычно, — сказала она. — Это был эксперимент. Я решила попробовать то, чего не делала. — Пауза. — Больше не буду.

— И что теперь? — спросила Марина.

— Не знаю, — сказала Александра. Это явно давалось ей труднее, чем извинение.

Лифт тихо скрипнул и снова замолчал.

Надежда поджала ноги и обхватила колени руками.

— Знаете, — сказала она, — я сегодня на вебинаре записала одну вещь. Вот. — Она достала листок из сумки — тот самый раздаточный материал на восьми страницах, который Александра сложила пополам, а Марина скомкала и забыла на стуле. У Надежды он был аккуратно свёрнут и исписан по полям мелким почерком. — Вот здесь написано: «Объединяйтесь с теми, кто разделяет вашу цель».

Марина посмотрела на листок.

— И?

— Ну... — Надежда обвела рукой пространство лифта. — Мы все пришли с одной целью. Приблизительно.

— Найти нормального мужика, — сказала Марина.

— Я бы сформулировала иначе, — сказала Надежда.

— Как?

— Найти... близкого человека. Родственную душу. Того, с кем...

— Нормального мужика, — повторила Марина.

Надежда вздохнула и убрала листок.

Александра молчала, но думала. У неё была привычка сначала думать, потом говорить — на совещаниях это производило впечатление, в лифтах создавало паузы.

— Вы предлагаете что-то конкретное? — спросила она наконец.

Надежда немного растерялась — конкретного она не предлагала, она скорее цитировала.

— Ну... встречаться. Обсуждать. Помогать друг другу.

— Клуб, — сказала Александра.

— Можно назвать клубом.

— Клуб одиноких тёток, — сказала Марина. — Замечательно.

— Зачем так, — поморщилась Надежда.

— А как? Клуб успешных и востребованных? Мы в лифте застряли после платного вебинара, Надь. Давайте без иллюзий.

Александра чуть качнула головой.

— Не клуб одиноких тёток. Просто клуб. Три человека, одна задача, никакого тренера в малиновом пиджаке.

Марина посмотрела на неё с неожиданным интересом.

— И что мы будем делать в этом клубе?

— Для начала — думать головой, — сказала Александра. — А не платить за чужие банальности.

— Легко вам говорить, — буркнула Марина, но без прежней агрессии.

— Нелегко. Просто я привыкла не показывать.

Это было сказано ровно, без жалобы — как факт. Марина помолчала, переваривая.

Надежда смотрела на них обеих с тихим изумлением — как будто два персонажа из разных книг вдруг оказались на одной странице.

— Я не знаю, что мы будем делать, — сказала она честно. — Но мне... приятно, что вы здесь. В смысле — что не одна. В смысле — в лифте.

— В лифте приятно, что не одна, — повторила Марина. — Это да. Это я понимаю.

Помолчали. Но уже иначе — не враждебно, а как-то задумчиво, словно каждая прикидывала что-то своё.

Потом Марина сказала:

— Ладно. Клуб так клуб. Только давайте без этих вот штук — «работаем над собой», «лучшая версия себя». Меня от этого тошнит.

— Согласна, — сказала Александра.

— И без Тургенева, — добавила Марина, покосившись на Надежду.

— Тургенева я не обещаю, — сказала Надежда с неожиданным достоинством.

Марина хмыкнула. Что-то в этом ответе ей понравилось.

В восемь сорок семь лифт дёрнулся, загудел и медленно пополз вниз. Двери открылись на первом этаже — в холле стоял усталый мужчина в спецовке с эмблемой лифтовой службы и молодой охранник с видом человека, которому очень жаль, что он сегодня вышел на смену.

Три женщины вышли в холл.

Александра одёрнула пиджак.

Надежда подхватила сумку с термосом.

Марина застегнула куртку и сказала мужчине в спецовке:

— Два часа. Вы понимаете — два часа.

— Сорок девять минут, — поправил тот, глядя в планшет.

— Два часа, — повторила Марина.

Они вышли на улицу. Было холодно, с Финского залива тянуло сыростью, фонари отражали лужи на асфальте.

Александра достала ключи от машины.

— Вам куда? — спросила она, ни к кому конкретно не обращаясь.

— На метро, — сказала Надежда. — Мне до Большевиков.

— Подвезу до Площади Александра Невского, — сказала Александра. — Дальше сами.

— Спасибо, я...

— Это не подвиг, просто мне по пути.

Марина уже смотрела в телефон — Антон, наконец, ответил. Написал: «окей». Просто «окей», без знаков препинания, без вопроса, где мать и всё ли в порядке. Четырнадцать лет, одно слово, и считает, что исчерпывающе ответил.

— Вам тоже подвезти? — спросила Александра.

Марина подняла глаза.

— Мне в Мурино.

— Это не по пути.

— Я знаю. Я на метро.

Они стояли у входа в бизнес-центр — три женщины под фонарём, с раздаточными материалами в сумках или без, с кредитом, с мамой, с сыном, который пишет «окей».

— Телефонами обменяемся? — спросила Надежда.

Пауза.

— Зачем? — спросила Марина. Не грубо. Честно.

— Ну... клуб же. Вы же сказали.

— Я сказала «клуб так клуб». Это не устав организации.

— Марина, — сказала Александра.

— Что?

— Дайте номер.

Марина посмотрела на неё. Потом на Надежду. Надежда смотрела с таким осторожным ожиданием, что отказать было как-то неловко — примерно как захлопнуть дверь перед бездомным котом.

— Ладно, — сказала Марина. — Давайте. И раз уж мы теперь в одной упряжке давайте на «Ты», так проще и правильнее.

Они обменялись номерами прямо на улице, набирая в телефоны замёрзшими пальцами. Александра сохранила контакты немедленно и аккуратно — «Марина» и «Надежда». Надежда долго искала, куда нажать, и смущалась. Марина сохранила обеих под именами «Александра лифт» и «Надя лифт», подумала и решила, что так даже точнее.

— Ну и кто первый напишет? — спросила Марина.

— Я напишу завтра, — сказала Александра. — До одиннадцати.

— Хорошо, — сказала Надежда.

— Окей, — сказала Марина, и сама не заметила, что слово взяла у сына.

Александра пошла к машине. Надежда засеменила следом. Марина постояла ещё секунду одна под фонарём, посмотрела на бизнес-центр, на тёмные окна конференц-зала на втором этаже, где час назад женщина в малиновом пиджаке объясняла, как найти счастье за девять тысяч девятьсот рублей.

— Семь шагов, — пробормотала Марина себе под нос. — Надо же.

Она застегнула верхнюю пуговицу куртки и пошла к метро.

В эту ночь Александра лежала в темноте и смотрела в потолок. Умные часы на тумбочке показывали пульс — шестьдесят восемь, ниже обычного. Она подумала, что завтра напишет в чат первой. Это было странно — она никогда не писала первой людям, которых не знала. Но она сказала, что напишет, а слова она привыкла держать.

В эту ночь Надежда тихо открыла дверь квартиры, разулась в прихожей и на цыпочках прошла мимо маминной комнаты. Мама не спала.

— Надя.

— Да, мам.

— Семинар закончился в половину одиннадцатого?

— Мы задержались. Обсуждали новые стандарты.

Пауза.

— Ты ела?

— Ела, мам.

— Суп на плите.

Надежда постояла у маминой двери, потом пошла на кухню, налила суп и съела его в темноте, не включая свет. За окном мокрый Петербург блестел и молчал. Она подумала, что завтра Александра напишет в чат, и поймала себя на том, что ждёт этого.

В эту ночь Марина пришла домой, обнаружила, что макароны Антон не тронул, зато чипсы кончились, сварила себе яйцо, включила телевизор и уснула на диване под какое-то ток-шоу. Телефон лежал рядом. Перед тем как закрыть глаза, она открыла контакты и посмотрела на две новые записи — «Александра лифт» и «Надя лифт».

Подумала: зачем вообще согласилась.

Подумала: ну и ладно.

Уснула.

## Глава 2. Чат создан

В 10:47 Александра написала в новый групповой чат.

Чат она создала сама, в 10:46, и минуту смотрела на пустое поле для названия. «Клуб» — слишком общо. «Поиск» — звучит как детективное агентство. Она оставила чат без названия, добавила обеих и написала:

«Доброе утро. Александра. Предлагаю встретиться в эту субботу. Обсудим формат.»

Надежда ответила через четыре минуты:

«Доброе утро! Я готова. Только в первой половине дня, если можно — после трёх мама ждёт дома.»

Марина ответила через сорок минут. Судя по времени — только что пришла на смену, поставила телефон на касе и увидела сообщения.

«Ок. Где?»

Александра написала:

«Могу принять у себя. Крестовский остров, Константиновский проспект. В одиннадцать.»

Пауза. Потом Марина:

«Далеко. Но ладно.»

Потом, через минуту:

«А парковка есть?»

Потом, ещё через минуту:

«Хотя я на метро. Забудьте.»

Надежда написала:

«Я доеду. Там автобус ходит от Чёрной речки, я посмотрела.»

Александра написала:

«Хорошо. В субботу в одиннадцать.»

И закрыла чат. Открыла ежедневник, записала: «Субботу 11:00 — встреча». Подумала секунду и приписала в скобках: «(клуб)».

Слово выглядело немного нелепо рядом с «звонок инвесторам 14:00» и «пилатес 19:30». Но она его не стёрла.

\*\*\*

Субботу Марина начала с того, что Антон отказался идти к бабушке.

— Антон, я прошу тебя.

— Мам, ну зачем? Я сам побуду.

— Ты вчера «сам побыл» — не поел, не лёг вовремя, в час ночи в телефоне сидел, думаешь, я не видела?

— Ну и что.

— Ничего. Собирайся.

— Мам.

— Антон.

— Куда ты вообще идёшь?

Марина на секунду замялась.

— К подругам.

Антон посмотрел на неё с тем особенным подростковым выражением, которое означает полное и абсолютное недоверие ко всему сказанному.

— К каким подругам?

— К новым.

— У тебя нет новых подруг.

— Теперь есть.

— С каких пор?

— Со вторника. Антон, не стой столбом — собирайся, бабушка ждёт.

Антон собрался с видом человека, которого ведут на казнь, и ушёл, не попрощавшись.

Марина посмотрела на закрытую дверь, потом на себя в зеркало в прихожей.

Зеркало в прихожей было честным. Может, даже слишком.

Она причесалась, поменяла свитер на другой — примерно такой же, но чуть лучше, — и вышла из дома.

\*\*\*

Надежда с утра сказала маме, что едет к коллеге.

— К какой коллеге?

— К Светлане Игоревне. По работе.

— В субботу?

— Мы готовим методическое мероприятие.

Мама смотрела на неё поверх очков. Мама всегда смотрела поверх очков, когда не верила, — это был её способ дать понять, что она не верит, но снисходит.

— Поешь перед выходом.

— Я не голодна.

— Поешь.

Надежда поела. Потом оделась, взяла сумку, дошла до двери.

— Надя.

— Да, мам.

— Ты накрасилась.

Пауза.

— Немного.

— К коллеге.

— Мам.

— Я ничего не говорю, — сказала мама тоном человека, который говорит очень много.

Надежда вышла на лестничную клетку, закрыла дверь и выдохнула. За спиной — сорок два года, мамин взгляд поверх очков и тарелка с кашей. Впереди — автобус до Чёрной речки и Крестовский остров, где живут люди, у которых, судя по всему, совсем другая жизнь.

Она ехала в автобусе и смотрела в окно. Петербург в субботу утром был другим — медленным, непричёсанным, с дворниками на тротуарах и голубями на карнизах. Мимо проплывали Новочеркасский проспект, Синопская набережная, мост, ещё один мост. Надежда любила город вот так — из окна, в движении, когда он не требует от тебя ничего конкретного.

Она достала телефон и ещё раз проверила адрес. Константиновский проспект, дом семь. Потом открыла заметки, где с вечера написала несколько мыслей о том, каким мог бы быть клуб. Список получился небольшой:

— поддержка и взаимопонимание

— честный разговор

— может быть, читать что-нибудь вместе? книги о любви, о людях

Последний пункт она на всякий случай зачеркнула — вспомнила про Тургенева и Мариинин взгляд.

\*\*\*

Александра жила в доме, который Марина про себя немедленно назвала «как в кино». Не в плохом смысле — просто в том смысле, что в таких домах Марина бывала только когда развивала заказы в ковидный год, подрабатывая курьером. Высокие потолки, консьерж в холле, лифт — работающий, что характерно, — и запах чего-то ненавязчивого и дорогого, чему Марина не знала названия.

Консьерж позвонил наверх. Через минуту лифт открылся на четвёртом этаже, и Александра встретила их в дверях — в льняных брюках, тонком джемпере и с кофе в руке. Без макияжа. Выглядела так, словно никуда не торопилась и никогда не торопилась.

— Проходите, — сказала она. — Разувайтесь, если хотите. Можно не разуваться.

Марина разулась. Надежда тоже разулась и сразу смутилась — носки у неё были с котятами, она про это забыла.

Квартира была светлой и чуть холодноватой — большие окна, минимум мебели, на подоконнике какое-то растение с мясистыми листьями. Никаких лишних вещей, никаких фотографий на стенах. Марина покрутила головой и сказала:

— Хорошо живёшь.

— Спасибо, — сказала Александра ровно.

— Это не комплимент был, просто наблюдение.

— Я поняла.

На кухонном столе стояли три кружки, чайник, тарелка с нарезанными фруктами и блокнот с ручкой — явно для Александры, явно приготовленный заранее.

Надежда посмотрела на блокнот.

— Ты повестку составила?

— Приблизительно, — сказала Александра. — Садитесь.

Они сели. Марина взяла кружку, понюхала.

— Это что?

— Матча.

— А обычный чай есть?

— Есть. — Александра встала, поставила чайник. — Чёрный или зелёный?

— Чёрный. Покрепче, если можно.

— Можно.

Надежда взяла фрукт с тарелки, потом положила обратно, потом снова взяла. Александра вернулась с чаем для Марины и открыла блокнот.

— Итак, — сказала она.

— Итак, — повторила Марина. — Слушаю.

— Я думала о том, что мы обсуждали во вторник. Про клуб. И у меня есть несколько вопросов, на которые нам стоит ответить честно. Первый — зачем нам это. Второй — что мы готовы делать. Третий — чего мы не готовы делать.

— Серьёзный подход, — сказала Марина.

— А ты хотела несерьёзный?

— Не знаю. Я думала, поговорим просто так. Чай попьём.

— Мы пьём чай, — сказала Александра. — Одно другому не мешает.

Надежда улыбнулась — чуть заметно, в кружку с матчей.

— Я думаю, это правильно, — сказала она. — Начать с честного разговора. Я даже записала кое-что.

— Тургенева? — спросила Марина.

— Нет. Свои мысли.

— Ладно, — сказала Марина. — Давайте честно. Зачем мне это. — Она обхватила кружку двумя руками, посмотрела в окно на серое петербургское небо. — Мне сорок три года. Я работаю на кассе. Сын у меня хороший, но подросток, то есть разговаривает со мной примерно как с предметом мебели. Личная жизнь — три попытки после развода, все три в мусор. Я устала делать вид, что мне нормально. Не нормально. Хочу человека рядом. Нормального, без фокусов. Вот зачем.

Она сказала это быстро и ровно, как говорят о чём-то, что давно решено, но вслух произносится впервые. Потом отпила чай.

— Вот, — сказала она. — Честно.

Помолчали.

— Я, — начала Надежда и остановилась. Покрутила кружку в руках. — Я всю жизнь делала то, что правильно. Хорошо училась, поступила на филфак, пошла в школу, потому что мама сказала — стабильность. Живу с мамой, потому что так сложилось. Или потому что я не смогла по-другому — я не всегда понимаю разницу. — Пауза. — Я хочу... не знаю. Чтобы кто-то выбрал именно меня. Не потому что я удобная или рядом оказалась. А просто — меня.

В кухне было тихо. За окном прошёл трамвай.

Александра смотрела в блокнот, хотя ничего не писала.

— Я, — сказала она, наконец. — Мне сорок один. Своя компания, восемь лет. До этого — чужие компании, но тоже на хороших позициях. Всё, что я хотела построить в профессии — построила. Это правда, не хвастовство. — Она подняла глаза. — Но дома я прихожу в пустую квартиру. Очень красивую пустую квартиру. И я не знаю, что с этим делать, потому что я умею решать задачи, у которых есть параметры. А здесь параметров нет.

Марина смотрела на неё.

— И поэтому блокнот с повесткой, — сказала она. Не насмешливо. Понимающе.

— Поэтому блокнот с повесткой, — согласилась Александра.

Надежда тихо сказала:

— Мне кажется, мы все немного боимся.

— Я не боюсь, — сказала Марина.

— Ты только что сказала «устала делать вид, что нормально». Это тоже страх. Просто другой.

Марина открыла рот, закрыла. Посмотрела на Надежду с новым интересом — как смотрят на человека, который только что сказал что-то неожиданно точное.

— Ишь ты, — сказала она негромко.

— Я литературу преподаю, — сказала Надежда просто. — Люди там всегда боятся. Просто по-разному называют.

Александра что-то записала в блокнот. Потом сказала:

— Хорошо. Со «зачем» разобрались. Теперь «что делаем».

— Ищем мужиков, — сказала Марина.

— Конкретнее.

— Куда конкретнее-то.

— Я имею в виду — как. Приложения, мероприятия, знакомства через общих людей. Что каждая из нас уже пробовала и что не сработало.

— О, — сказала Марина, — это надолго.

— У нас есть время, — сказала Александра.

— У меня до трёх, — напомнила Надежда.

— Сейчас половина двенадцатого. Успеем.

Марина откинулась на спинку стула.

— Ладно. Я начну. Значит, приложения. Тиндер — удалила через неделю, потому что на третий день мне написал мужчина, который попросил фото ног. Просто сразу, без предисловий. Не ног в смысле — ног.

— Понятно, — сказала Александра.

— Потом Баду. Там познакомилась с одним, встретились в кафе, он два часа рассказывал про бывшую жену. Про то, какая она была ужасная. Два часа, понимаете? Я успела выпить три чашки кофе и мысленно написать её портрет.

— Он до сих пор её любит, — сказала Надежда.

— Очевидно. Потом был сайт — не буду называть, там которые «для серьёзных отношений». Познакомилась с мужчиной пятидесяти двух лет. Приличный, спокойный, два раза

встретились нормально. На третий раз говорит — я должен вам кое-что сообщить. Я думала — женат. Оказалось — он ищет женщину, которая переедет к его маме. Не к нему. К маме. Он живёт отдельно, а мама одна, ей нужна компания.

Пауза.

— Компаньонка, — сказала Александра.

— Вот именно. Компаньонка. Бесплатная. С проживанием.

— Может, он просто очень любит маму, — осторожно сказала Надежда.

— Надя, — сказала Марина, — я тоже люблю маму. Свою. Которая умерла. Но я не ищу ей посмертную компаньонку за счёт чужого личного счастья.

Надежда решила не развивать тему.

— Твоя очередь, — сказала Марина, кивнув на Александру.

Александра закрыла блокнот — записывать здесь было нечего, это был другой жанр.

— Приложения я не использовала. Мне казалось, что это не для меня.

— Почему? — спросила Марина.

— Не знаю. Наверное, я думала, что встречу кого-нибудь сама. Через работу, через общих знакомых. — Она помолчала. — Через работу не получается, потому что я руководитель и любые отношения с коллегами создают конфликт интересов. Через знакомых — все мои знакомые либо женаты, либо знакомят меня с кем-то совершенно неподходящим.

— Это как? — спросила Надежда.

— Меня однажды познакомили с мужчиной, который, по словам общих друзей, был «успешным предпринимателем». Оказалось — он продаёт БАДы через сетевой маркетинг и очень хотел, чтобы я вложила в это деньги. Деловое предложение он сделал раньше, чем попросил второй кофе.

— Хоть кофе-то хороший был? — спросила Марина.

— Отвратительный.

— Понятно. — Марина кивнула с видом человека, который получил исчерпывающую картину. — Надя, твоя очередь.

Надежда поставила кружку на стол. Сложила руки.

— У меня было немного. Мама считает, что знакомиться через интернет — это... она говорит «несерьёзно». Поэтому я особо не пробовала. Был один мужчина — коллега из соседней школы, учитель истории. Мы иногда пересекались на районных методических объединениях.

— И? — сказала Марина.

— Мы разговаривали. О литературе, об истории, о том, как изменились дети. Мне казалось — нам интересно вместе. Потом на новогоднем вечере я намекнула... ну, очень осторожно намекнула, что мне нравится наше общение.

— Что значит «очень осторожно»? — спросила Александра.

Надежда покраснела.

— Я процитировала Тургенева. Из «Аси».

Пауза.

— И он понял? — спросила Марина.

— Нет. Он сказал, что тоже любит Тургенева, и предложил записаться в книжный клуб при библиотеке.

— Надя, — сказала Марина медленно, — с мужчинами нельзя говорить цитатами.

— Но ведь он учитель истории. Образованный человек.

— Образованный или нет — без разницы. Мужчинам надо говорить прямо. Простыми словами.

— Марина права, — сказала Александра.

— Ужасно, когда вы обе правы одновременно, — пробормотала Надежда.

Марина неожиданно засмеялась — коротко, от живота. Александра чуть улыбнулась, что для неё, судя по всему, было примерно то же самое, что у другого человека — хохот.

— Ладно, — сказала Марина, отсмеявшись. — Значит, картина следующая. Одна не умеет говорить прямо. Вторая не хочет искать в интернете. Третья умеет говорить прямо, но попадает на каких-то клоунов. Замечательный клуб.

— Именно поэтому клуб и нужен, — сказала Александра.

— И что мы будем делать? Обучать друг друга?

— Частично — да.

Марина посмотрела на неё.

— Ты серьёзно?

— Я всегда серьёзно.

— Это, наверное, и есть твоя главная проблема, — сказала Марина.

Александра открыла рот. Закрывает. Потом сказала:

— Возможно.

Это далось ей заметно труднее, чем утреннее извинение.

Надежда потянулась за фруктом на тарелке — на этот раз взяла и не положила обратно.

— Я думаю, — сказала она, — что нам нужно для начала просто встречаться. Разговаривать. Узнать друг друга. А потом уже — план.

— Встречаться где? — спросила Марина. — Каждый раз на Крестовском? Мне час в одну сторону.

— По очереди, — сказала Александра. — У каждой. Раз в неделю.

Марина представила Александру в своей двушке в Мурино — с льняными брюками и кружкой матча среди Антошкиных кроссовок в прихожей и холодильника с остатками чипсов.

— У меня не так, — сказала она, обведя рукой Александрину кухню.

— Я понимаю.

— Нет, ты не понимаешь. У меня сын-подросток, две комнаты и вечный беспорядок. И чай в пакетиках.

— Марина, — сказала Александра терпеливо, — я не еду к тебе смотреть на интерьер.

— А зачем едешь?

— За тем же, зачем ты приехала сюда.

Марина помолчала. Потом кивнула — коротко, без лишних слов.

— Ладно. Тогда в следующую субботу ко мне. Только предупреждаю сразу — Антон будет дома, он у бабушки не останется два раза подряд, это я уже знаю. Будет ходить через кухню с видом, что нас не замечает, и всё слышать.

— Дети всё слышат, — сказала Надежда негромко.

— Ты преподаёшь в школе, тебе виднее.

— У меня их тридцать в классе. Каждый слышит всё, что не предназначено для его ушей, и не слышит ничего из того, что предназначено.

— Точно, — сказала Марина. — Это он.

Помолчали. За окном снова прошёл трамвай — тот же или другой, откуда не разобрать.

— А у меня мама, — сказала Надежда. — Если к нам — она будет в комнате, но дверь приоткроет. И потом спросит, кто приходил, откуда, чем занимаются и замужем ли.

— Замужем? — переспросила Марина.

— Мама убеждена, что подружки должны быть замужем. Незамужняя подруга, по её теории, только тянет вниз и подаёт дурной пример.

— Прекрасная теория, — сказала Александра.

— У неё много таких.

— Тогда скажи маме, что мы замужем, — сказала Марина.

— Я не могу врать маме.

— Надя, ты сегодня сказала ей, что едешь к коллеге на методическое мероприятие. Надежда открыла рот. Закрыла.

— Это другое, — сказала она неуверенно.

— Чем?

— Это... это была необходимая неточность.

Марина посмотрела на Александру. Александра смотрела в блокнот с видом человека, который старается не улыбаться.

— Необходимая неточность, — повторила Марина. — Хорошо сказано. Беру в оборот. Надежда почувствовала что-то среднее между смущением и неожиданной гордостью.

Александра открыла новую страницу блокнота.

— Давайте договоримся о правилах. Три пункта, больше не нужно.

— Опять правила, — вздохнула Марина, но без возражений.

— Первое — не осуждаем. Каждая живет, как умеет, объяснений не требуем.

— Принято, — сказала Надежда.

— Принято, — сказала Марина.

— Второе — говорим честно. Если что-то не нравится или кажется неправильным — говорим, но без грубости.

— Это в мою сторону, — сказала Марина.

— В общую, — сказала Александра.

— Ладно.

— Третье — не даём советов, которые не просили.

Надежда и Марина переглянулись.

— Это тоже в общую? — спросила Марина.

— В общую.

— А мне кажется, что советы как раз нужны, — сказала Надежда. — Иногда человек не знает, что ему нужен совет.

— Тогда можно спросить — хочешь, скажу? — предложила Марина. — Я так иногда делаю.

— Редко, — сказала Александра.

— Ну, иногда делаю. В хорошие дни.

— Хорошо, — согласилась Александра и написала в блокноте. — Третье — перед советом спрашиваем разрешения. Так?

— Так, — сказала Надежда.

— Пойдёт, — сказала Марина.

Александра закрыла блокнот. Взяла кружку с матчей, которая уже остыла. Посмотрела на двух женщин за своим кухонным столом — одна с котятками на носках, другая с курткой на спинке стула и кружкой крепкого чая.

Странная компания. Совершенно, абсолютно странная.

— Ещё один вопрос, — сказала она. — Название.

— Какое название? — спросила Марина.

— Чат без названия. Клуб без названия. Это неудобно.

— Клуб зрелой любви, — немедленно сказала Надежда.

— Нет, — сказала Марина.

— Почему?

— Потому что «зрелой». Как будто мы фрукты.

— Ну а что тогда?

— Клуб нормальных женщин в поисках нормального мужика.

— Это не название, это объявление на столбе, — сказала Александра.

— Тогда придумай сама.

Александра постучала пальцем по закрытому блокноту.  
— «Три» — просто и без лишнего.  
— Три чего? — спросила Марина.  
— Просто три.  
— Звучит как сериал про криминал.  
— «Невский фарватер», — сказала Надежда мечтательно.  
Обе посмотрели на неё.  
— Ну, мы все в Петербурге. Фарватер — это путь. Мы ищем путь.  
— Надя, — сказала Марина, — фарватер — это судоходный коридор в реке. Мы не баржи.  
— Это метафора.  
— Я знаю, что это метафора. Просто плохая.  
Надежда вздохнула и убрала метафору обратно.  
— «Клуб трёх», — сказала Александра.  
— Как у Агаты Кристи? — спросила Надежда.  
— У неё «Клуб вторников».  
— Всё равно похоже.  
— Нам не нужна оригинальность, — сказала Александра. — Нам нужно название для чата. Чтобы было понятно, что это мы.  
— «Лифт», — сказала Марина.  
Пауза.  
— В смысле? — спросила Надежда.  
— В смысле — «Лифт». Мы там познакомились. Коротко и понятно.  
Александра подумала секунду.  
— Принято.  
— Мне нравится, — сказала Надежда. — В этом есть что-то... символичное. Лифт — это движение вверх.  
— Или вниз, — сказала Марина. — Или застрял между этажами. Что тоже про нас.  
Александра открыла телефон, зашла в чат и переименовала его. На экране появилось: «Лифт»  
— Готово, — сказала она.  
Марина посмотрела на уведомление в телефоне, хмыкнула и убрала его в карман.  
Надежда посмотрела и улыбнулась — по-настоящему, не в кружку, а просто так.  
За окном петербургское небо немного посветлело — не то чтобы солнце вышло, но облака сдвинулись, и между ними появилась узкая полоса чего-то похожего на свет.  
Марина допила чай.  
— Ладно, — сказала она. — Клуб основан. Что дальше?  
— Дальше, — сказала Александра, — ищем.  
— Кого?  
— Ты сама сказала — нормального мужика.  
— А ты хотела «равного и уверенного».  
— Можно совместить.  
— Оптимист, — сказала Марина, но без язвительности.  
— Реалист, — поправила Александра. — Оптимист думает, что всё будет хорошо. Реалист работает над тем, чтобы было хорошо.  
— А пессимист? — спросила Надежда.  
— Пессимист берёт кредит на вебинар, — сказала Марина.  
Она сказала это без злости — скорее с той интонацией, с которой смеются над собственной глупостью, когда она уже немного позади.

Александра убрала блокнот.

— В следующую субботу — у Марины. Время то же, одиннадцать.

— Приезжайте, — сказала Марина. — Только не пугайтесь Антона. Он делает вид, что страшный, но это тренировка.

— Подростки все такие, — сказала Надежда.

— Твои тридцать штук в классе?

— Мои тридцать штук в классе именно такие.

Марина кивнула — как кивают, получив подтверждение давней гипотезы.

Они оделись в прихожей — Надежда торопливо, поглядывая на время, Марина основательно, застёгивая куртку снизу вверх. Александра стояла в дверях.

— До субботы, — сказала она.

— До субботы, — сказала Надежда и первая шагнула к лифту. Потом остановилась у кнопки вызова, посмотрела на двери и чуть заметно поёжилась.

— Всё нормально, — сказала Александра.

— Я знаю. Просто...

— Этот работает, — сказала Марина. — Я проверила, пока ехала наверх. Новый, тихий. Не то, что тот гроб на Петроградской.

Надежда нажала кнопку. Лифт открылся сразу — просторный, с зеркалом во всю стену. Они вошли втроем. Двери закрылись.

Марина поймала в зеркале отражение всех троих — высокая блондинка с прямой спиной, она сама в куртке и разношёрстных серёжках, и Надежда с котятками на носках, которые она так и не спрятала под брюки.

— Хорошая компания, — сказала Марина своему отражению.

— Ты так считаешь? — спросила Надежда.

— Нет. Я просто проверяю, как звучит.

Лифт доехал до первого этажа, двери открылись. Они вышли в холл, консьерж поднял глаза от стойки, кивнул. Александра кивнула в ответ. Марина кивнула на автомате. Надежда сказала «до свидания» — консьержу, незнакомому мужчине, просто потому что так воспитали.

На улице было холоднее, чем утром. Ветер с залива нагнал низкие облака, с деревьев сыпалась мокрая листва.

— Мне направо, — сказала Надежда. — Автобусная остановка там.

— Мне прямо, — сказала Марина. — Метро.

Они немного постояли у входа — не потому что было что добавить, а просто так, как стоят люди, которым расходиться пока не хочется, но повода задержаться нет.

— Надя, — сказала Марина, — купи нормальные носки.

— Что не так с носками?

— Котятка.

— Мне нравятся котятка.

— Мне тоже нравятся. Но ты идёшь знакомиться с мужчинами, а не в зоопарк.

— Сегодня я шла к вам, — резонно заметила Надежда.

— Это тренировка, — сказала Марина и пошла к метро.

Надежда смотрела ей вслед, потом повернулась к Александре.

— Она всегда такая?

— Мы знакомы четыре дня, — сказала Александра.

— Ах да. — Надежда поправила сумку на плече. — Мне кажется, она добрая. Просто прячет.

— Возможно.

— А ты не прячешь?

Александра посмотрела на неё — внимательно, как смотрят на вопрос, который застал врасплох не своей сложностью, а своей простотой.

— До субботы, Надежда, — сказала она.

— До субботы, — согласилась Надежда и пошла к остановке.

Александра вернулась в квартиру, убрала кружки, сполоснула чайник. Открыла блокнот на странице с тремя правилами. Перечитала. Добавила снизу, отдельно, маленькими буквами, как заметку для себя:

«Найти нормального — это не задача, это процесс.»

Подчеркнула. Подумала. Зачеркнула подчёркивание — это уже было слишком похоже на мотивационный плакат.

Закрыла блокнот.

\*\*\*

В чате «Лифт» в тот день больше никто ничего не написал. Только вечером, в половину одиннадцатого, появилось сообщение от Марины:

«Антон спросил, понравилось ли мне у подруг. Я сказала да. Он сказал окей. Прогресс».

Через минуту Надежда ответила:

«Мама спросила, как прошло методическое мероприятие. Я сказала — продуктивно. Она сказала, что у меня хорошее настроение. Это правда.»

Александра прочитала оба сообщения. Поставила телефон на зарядку, легла, посмотрела в потолок. Пульс — шестьдесят шесть. Ниже обычного.

Написала в чат:

«До субботы».

И закрыла глаза.

## Глава 3. Мурино

Марина готовилась к субботе так, как готовятся к неизбежному — без энтузиазма, но добросовестно. В среду вечером она прошлась по квартире с мусорным пакетом и собрала всё, что лежало не там, где должно. Антошкины кроссовки из прихожей — в его комнату. Три пакета из «Пятёрочки», которые она использовала как временное хранилище всего подряд, — разобрать, лишнее выбросить. Стопку журналов с журнального столика — в стопку, но ровную.

В четверг она помыла полы.

В пятницу купила печенье — нормальное, не то, что берёт для себя и Антона, а другое, в красивой упаковке. Потом взяла с полки ещё пачку обычного и поставила рядом. Пусть будет выбор.

В субботу утром Антон вышел на кухню, обвёл взглядом чистую плиту, вымытый стол и печенье в двух упаковках.

— Мам, у нас кто-то умер?

— Почему умер?

— Ну, чисто так.

— Гости придут, — сказала Марина. — Подруги.

— Те самые новые?

— Те самые.

Антон взял из обычной пачки печенье, откусил, прожевал.

— И что они за люди?

— Разные, — сказала Марина. — Одна учительница.

— Литры?

— Русского и литературы.

Антон сделал лицо.

— А вторая?

— Бизнесом занимается. Живёт на Крестовском.

— Богатая, что ли?

— Антон!

— Ну, в смысле — успешная.

— Успешная, — согласилась Марина. — Будешь дома — веди себя нормально. Через кухню можешь ходить, но без комментариев.

— Я всегда без комментариев.

— Ага, — сказала Марина. — В прошлый раз, когда пришла Люська с работы, ты сказал, что у неё смешная причёска.

— Ну, смешная же.

— Антон!

— Всё, всё. Буду тихий, как мышь, — сказал он и ушёл к себе, прихватив ещё три печенья.

Марина посмотрела ему вслед. Четырнадцать лет. Длинный, нескладный, с вечно торчащими в разные стороны вихрами — вылитый отец в молодости, что было одновременно мило и раздражало.

Она поставила чайник.

\*\*\*

Надежда позвонила в дверь ровно в одиннадцать. Александра приехала на две минуты позже — что для неё, судя по выражению лица, было чем-то средним между опозданием и личной трагедией.

— Пробка на Народной, — сказала она в прихожей.

— В субботу? — удивилась Надежда.

— В Петербурге пробки в любой день, — сказала Марина. — Заходите. Разувайтесь вот здесь, тапочки не предлагаю — не найду нужный размер.

Она произнесла это без извинений — просто как факт, и Александра это оценила.

Прихожая была небольшой, с вешалкой, перегруженной куртками — Маринина, Антошкина, ещё одна, явно не надёванная давно. На полке стояли кроссовки, сапоги и одинокий ролик для чистки одежды. Пахло едой — чем-то сытным и домашним.

— Ты готовила? — спросила Надежда.

— Пирог, — сказала Марина. — С капустой. Вчера вечером. Не знаю зачем, руки сами сделали.

— Это замечательно, — сказала Надежда.

— Не знаю. Может, переборщила. У тебя, — она кивнула на Александру, — были фрукты.

— Фрукты и пирог — разные философии, — сказала Александра. — Обе рабочие.

Марина чуть помягчала — незаметно, но всё же.

На кухне было тесновато — стол, четыре стула, холодильник, который гудел чуть громче положенного. На столе стояли две пачки печенья, пирог на досочке и три разные кружки — ни одна не была из одного сервиза.

— Садитесь, — сказала Марина. — Чай сейчас.

Они сели. Надежда сразу потянулась к пирогу — и вовремя остановила себя.

— Можно?

— Зачем спрашиваешь, я для этого и пекла.

Надежда отрезала кусок. Попробовала.

— Очень вкусно, — сказала она. — Правда. Тесто тонкое, начинка не пересушена. Как ты делаешь?

— Руками, — сказала Марина.

— Ну, я понимаю, что руками. Рецепт мамин?

— Мамин. Она у меня хорошо пекла. — Марина поставила кружки на стол, разлила чай.

— Я долго не могла повторить один в один. Потом поняла, что не надо один в один — надо своё. Теперь нормально получается.

Александра взяла небольшой кусок, попробовала. Ничего не сказала, но взяла ещё.

Марина заметила и промолчала — это был её способ порадоваться.

За стеной что-то негромко загудело — музыка или игра, не разобрать.

— Антон дома, — сказала Марина. — Предупреждала.

— Ничего страшного, — сказала Надежда.

— Он не страшный, просто появляется внезапно. Как привидение, только голодное.

Словно в подтверждение дверь кухни приоткрылась, и в проёме возник Антон — длинный, в мятой футболке, с телефоном в руке. Обвёл кухню взглядом, остановился на Александре, потом на Надежде, потом на пироге.

— Мам, сок в холодильнике ещё есть?

— Есть, — сказала Марина. — Возьми и иди.

— Угу. — Он открыл холодильник, достал пакет сока, потом всё-таки посмотрел на гостей. — Здравсте.

— Здравствуй, — сказала Надежда.

Александра кивнула.

— Антон, — сказала Марина.

— Всё, ухожу. — Он покосился на пирог. — Мне можно кусок взять?

— Возьми на тарелке, не руками.

Он взял тарелку, отрезал кусок — большой, почти треть — и исчез. Дверь за ним закрылась.

— Привидение, — сказала Марина. — Я же говорила.

— Хороший мальчик, — сказала Надежда.

— Сейчас хороший. В понедельник снова будет делать вид, что я не существую. Подростковый цикл.

— Это нормально, — сказала Надежда. — У меня в классе все такие. Он не против тебя — он против всего мира сразу. Просто ты ближе всех, поэтому достаётся тебе.

Марина посмотрела на неё.

— Это должно утешать?

— Немного.

— Немного утешает, — призналась Марина.

Александра поставила кружку на стол.

— Давайте к делу.

— Прямо сейчас? — спросила Марина. — Пирог не доели.

— Пирог никуда не денется.

— Ладно. — Марина откинулась на спинку стула. — Какое дело?

— На прошлой встрече мы говорили о том, что не работало. Сегодня я хотела поговорить о том, что будем делать конкретно. Не в теории — конкретно.

— Снова блокнот? — спросила Марина.

Александра достала блокнот.

— Снова блокнот.

— Ладно, — вздохнула Марина. — Давай свой блокнот. Что конкретно?

— Три направления. Первое — приложения. Я изучила вопрос.

— Ты изучила приложения для знакомств? — Марина посмотрела на неё с искренним интересом. — Когда?

— В среду вечером. Я составила сравнительную таблицу.

Пауза.

— Таблицу, — повторила Марина.

— По шести параметрам. Аудитория, алгоритм подбора, процент фейковых анкет по открытым данным, средний возраст активных пользователей, наличие верификации и — она перелистнула страницу, — отзывы реальных пользователей старше тридцати пяти.

Надежда смотрела на неё с восхищением, которое даже не пыталась скрыть.

Марина смотрела с выражением человека, который не знает — смеяться или завидовать.

— Александра, — сказала она наконец.

— Да?

— Ты составила таблицу по приложениям для знакомств.

— Да.

— В среду вечером.

— Да.

— Вместо того чтобы просто скачать одно и попробовать.

Пауза.

— Я предпочитаю входить в процесс подготовленной, — сказала Александра.

— Это называется — бояться и делать вид, что анализируешь.

Тишина. Надежда перестала жевать пирог.

Александра смотрела на Марину. Марина смотрела на Александру. За стеной у Антона что-то взрывалось в игре — негромко, методично.

— Хочешь дать совет? — спросила Александра ровно.

— Я уже дала.

— Ты не спросила разрешения.

— Ах да. — Марина чуть наклонила голову. — Можно скажу, что думаю?

— Ты уже сказала.

— Значит, обойдёмся без формальностей. — Марина взяла кружку. — Я не нападаю.

Просто вижу знакомое. Я тоже так делала — собирала информацию, читала отзывы, смотрела, изучала. Готовилась. А потом всё равно надо было просто взять и сделать. И никакая таблица не помогла.

Александра помолчала.

— Я понимаю, что ты имеешь в виду.

— Но всё равно принесла таблицу.

— Я работаю с тем, что умею.

— Это честно, — сказала Марина. — Ладно. Показывай таблицу.

Александра развернула блокнот и положила на середину стола. Надежда немедленно придвинулась. Марина прищурилась, читая.

Таблица была аккуратной — шесть столбцов, пять строк, всё подписано мелким чётким почерком. Марина провела пальцем по строкам.

— Это что за приложение — «Teamлав»?

— Относительно новое. Позиционируется как сервис для людей, которые ищут серьёзные отношения. Верификация по номеру телефона и фото.

— И что, работает?

— По отзывам — лучше среднего. Но выборка небольшая.

— А вот это, — Марина ткнула в другую строку, — ты написала «высокий процент нецелевой аудитории». Это те, кто ищет не отношения?

— Именно.

— Понятно. — Марина отодвинула блокнот. — Значит, твой вывод какой?

— Два приложения из пяти стоит попробовать. Это и ещё одно, отечественное, с хорошей верификацией. Остальные — шум.

— И ты предлагаешь нам всем троим зарегистрироваться?

— Предлагаю попробовать. Всем троим, чтобы было о чём говорить. Делимся опытом, сравниваем, корректируем.

Надежда подняла руку — почти автоматически, как на уроке.

— Что? — спросила Марина.

— Я хотела сказать. — Надежда опустила руку, смутилась. — Мне мама не разрешит.

— Надя, — сказала Марина, — тебе сорок два года.

— Я знаю.

— Мама не может не разрешить.

— Она не запрещает напрямую. Она просто... смотрит. И молчит. Определённым образом.

— Молчит определённым образом, — повторила Марина. — Это высший пилотаж, конечно.

— Ты смеёшься, — сказала Надежда, — а это очень трудно выдерживать. Когда человек не говорит ничего, но говорит всем своим видом — это хуже любых слов.

— Я не смеюсь, — сказала Марина. Она говорила правду. — Я знаю, как это. Просто ты же понимаешь, что так нельзя до бесконечности?

— Понимаю, — тихо сказала Надежда. — Умом понимаю. А когда прихожу домой и вижу её — понимание куда-то девается.

Помолчали.

— Телефон твой? — спросила Александра.

— Мой.

— Оплачиваешь сама?

— Сама.

— Тогда мама технически не имеет доступа к тому, что в нём. Установи приложение, поставь пароль. Это твоё личное пространство.

Надежда смотрела на неё так, словно ей только что объяснили что-то очевидное, до чего она сама почему-то не додумалась за сорок два года.

— Да, — сказала она медленно. — Наверное.

— Не наверное, — сказала Марина. — Точно. Надя, ты взрослая женщина. Умная, между прочим. В школе тридцать детей тебя слушаются.

— Не все.

— Большинство. А собственной мамы боишься.

— Это другое.

— Чем?

Надежда открыла рот, закрыла. Посмотрела в кружку.

— Не знаю, — сказала она честно. — Просто другое.

Марина вздохнула и подлила ей чаю — молча, без лишних слов, просто потому что кружка была почти пустая.

— Ладно, — сказала она. — Второе направление какое?

Александра перелистнула страницу.

— Мероприятия. Живые. Не вебинары.

— Это что — танцы, выставки? — спросила Марина.

— В том числе. Я нашла несколько форматов, где мужчины старше сорока бывают в принципе. Не гарантированно одинокие, но бывают.

— Например?

— Гастрономические вечера. Винные дегустации. Лектории — не массовые, камерные. Яхт-клуб.

— Яхт-клуб, — сказала Марина.

— Да.

— Александра, я работаю на кассе в «Пятёрочке».

— Я знаю.

— В яхт-клубе я буду выглядеть как инопланетянин.

— Необязательно. Там бывают открытые мероприятия, не только для членов клуба. Регаты, например — можно прийти просто как зритель.

— Зритель на регате, — повторила Марина задумчиво. — Это я стою на берегу и смотрю на лодки?

— Яхты.

— На яхты. И знакомлюсь с мужчинами.

— Возможно.

Марина помолчала, прикидывая.

— Ну, допустим. А что мне там говорить? Я в яхтах ничего не понимаю.

— Это не обязательно, — сказала Надежда неожиданно.

Обе посмотрели на неё.

— Ну, — сказала она, — мужчины любят рассказывать о том, в чём разбираются. Если ты спросишь — они объяснят. И будут рады. Это же Тургенев, в сущности — просто дать человеку выговориться о том, что ему важно.

— Надя, — сказала Марина, — ты только что дала абсолютно практичный совет и испортила его Тургеневым в конце.

— Там не было Тургенева.

— «Это же Тургенев, в сущности» — твои слова.

— Ну, я имела в виду принцип, а не...

— Принцип хороший, — сказала Александра. — Марина, она права. Спрашивать — это работает. Люди раскрываются, когда их слушают.

— Я умею слушать, — сказала Марина. — Я на кассе по восемь часов слушаю.

— Там другое слушание.

— Это точно. Там слушаешь, что пакет стоит три рубля, а должен быть бесплатным. Это другая школа жизни.

Надежда засмеялась — по-настоящему, неожиданно для себя, так что прикрыла рот рукой.

— Что? — спросила Марина.

— Нет, просто... ты смешно говоришь.

— Это не специально.

— Именно поэтому и смешно.

Марина посмотрела на неё с выражением, которое у другого человека называлось бы теплотой, но у Марины пока не имело названия.

— Ладно, — сказала она, возвращаясь к блокноту. — Третье направление.

— Третье, — сказала Александра, — это мы сами.

— В смысле?

— В смысле — как мы выглядим, как говорим, как себя подаём. Не в смысле изменить себя. В смысле — понять, что мешает.

Пауза.

— Это психология? — осторожно спросила Надежда.

— Это наблюдение, — сказала Александра. — Я предлагаю следующее. Каждая из нас говорит — честно, без обид — что видит в двух других. Что бросается в глаза. Что, возможно, мешает.

Марина медленно поставила кружку.

— Это называется «разобрать друг друга по косточкам».

— Это называется обратная связь.

— В моём районе это называется иначе.

— Марина, — сказала Александра, — ты можешь отказаться.

— Не откажусь, — сказала Марина. — Просто обозначила жанр. — Она скрестила руки.

— Кто первый?

— Я начну, — сказала Александра. — Про себя. Чтобы было понятно — это не в одну сторону.

— Ну, давай.

Александра помолчала секунду.

— Я знаю, что я пугаю людей. Не специально. Просто я привыкла держать всё под контролем, и это читается. Мужчины чувствуют, что рядом со мной им придётся соответствовать — и многие не хотят этого напряжения. Я не знаю, как это выключить, потому что это просто я. Но я понимаю, что это проблема.

Тишина.

— Это смело, — сказала Надежда.

— Это честно, — поправила Александра. — Смелость здесь ни при чём. Я просто вижу факт.

— Факт, который тебя задевает, — сказала Надежда тихо.

Александра посмотрела на неё. Не ответила, но и не возразила — что само по себе было ответом.

— Ладно, — сказала Марина. — Моя очередь. Про себя. — Она побарабанила пальцами по столу. — Я хамлю. Знаю. Не от злости — от привычки. Когда долго живёшь в режиме «никто

не поможет, справляйся сама» — начинаешь разговаривать как человек, которому некогда. Коротко, жёстко, по делу. На работе это нормально. В личной жизни — нет. Мне один мужчина так и сказал: «Марина, ты разговариваешь со мной как с поставщиком».

— И что ты ответила? — спросила Надежда.

— Сказала, что он тогда плохо выполняет обязательства по договору.

Надежда ахнула.

— Пошутила, — сказала Марина. — Он не оценил. Ушёл. — Пауза. — Может, не пошутила. Не знаю уже.

— Это не хамство, — сказала Александра. — Это защита.

— Не надо меня защищать.

— Я не защищаю. Я называю точнее. Хамство — это когда человек не думает о том, как его слова действуют на других. Ты думаешь. Просто иногда выбираешь жёсткое слово, потому что мягкое кажется уязвимым.

Марина смотрела на неё.

— Ты это только что придумала или давно думала?

— Только что.

— Хорошо придумала, — сказала Марина без иронии.

Надежда сидела тихо и смотрела в стол.

— Надя, — сказала Марина.

— Я слушаю.

— Твоя очередь. Про себя.

Надежда подняла глаза. Потом снова опустила.

— Я... — она остановилась, начала заново. — Я умею слушать. Умею поддержать. Умею замечать в людях хорошее. Но я не умею говорить о том, чего хочу сама. Меня спрашивают — куда пойдём, что будем делать, чего ты хочешь — и я говорю «не знаю» или «как хочешь». Не потому что мне всё равно. Потому что я так привыкла. Дома всегда решала мама. В школе — программа. Я научилась существовать внутри чужих решений и разучилась принимать свои.

Помолчали.

— И мужчинам это не нравится? — спросила Марина.

— Некоторым нравится сначала, — сказала Надежда. — Кажется, что удобно — женщина, которая всегда соглашается. А потом становится скучно. Потому что соглашается не потому что хочет того же, а потому что не знает, чего хочет вообще. Это чувствуется.

— Ты это сама придумала или читала где-то? — спросила Марина.

— Сама. Только что.

— Тоже хорошо, — сказала Марина.

Александра смотрела на них обеих и думала, что эти двое — совершенно разные люди, которых она никогда в жизни не выбрала бы сама. Не из высокомерия — просто их миры не пересекались бы ни при каких обстоятельствах, кроме застрявшего лифта в бизнес-центре на Петроградской.

— Теперь, — сказала она, — про других. Кто готов?

— Давайте я, — сказала Марина. — Чего тянуть. — Она посмотрела на Надежду. — Надя, можно?

— Да, — сказала Надежда и чуть сжалась — едва заметно, но Марина увидела.

— Не бойся, я не кусаюсь. Сегодня суббота, хороший день. — Она подумала. — Ты умная. Правда. И добрая — это видно сразу, даже если ты сама этого не замечаешь. Но ты разговариваешь так, как будто всё время просишь прощения за то, что существуешь. Вот это «можно?» перед каждым словом, и голос чуть тише, чем надо, и смотришь в стол. Мужчина рядом с таким человеком начинает чувствовать себя либо спасителем, либо виноватым. Ни то ни другое не ведёт к нормальным отношениям.

Надежда слушала, не перебивая.

— Я понимаю, — сказала она, когда Марина замолчала.

— Понять мало, — сказала Марина. — Надо почувствовать. Это разные вещи.

— Как их различить?

— Понять — это в голове. Почувствовать — это когда начинаешь делать иначе. Вот тогда поняла.

Надежда кивнула медленно, как кивают над чем-то, что нужно сначала переварить.

— Теперь про Александру? — спросила Марина.

— Можно, — сказала Александра.

— Значит так. — Марина поставила локти на стол. — Ты красивая, умная, успешная. Это всё правда и это всё проблема одновременно. Потому что ты заходишь в комнату — и сразу понятно, что ты здесь главная. Не потому что задираешь нос. Просто ты так держишься. Спина, взгляд, голос — всё говорит: я контролирую ситуацию. Мужчине рядом с таким человеком нужно либо быть очень уверенным в себе, либо смириться, что он второй. Уверенных мало. Мириться никто не хочет.

— Я это знаю, — сказала Александра.

— Знаешь. Но продолжаешь так же.

— Я не умею иначе.

— Не умеешь или не пробовала?

Пауза.

— Это разные вещи, — сказала Александра — и невольно повторила Маринину же фразу.

Марина заметила, но промолчала. Только чуть дёрнулся угол рта.

— Попробуй иногда не знать ответа, — сказала она. — Вслух. При мужчине. Просто сказать — не знаю, что думаешь? Не как тактику. По-настоящему.

— Это сложно.

— Я знаю. Но ты же любишь сложные задачи.

Александра посмотрела на неё. Потом, очень медленно, почти незаметно, — улыбнулась. Не вежливо, не профессионально, а как-то по-другому. Марина это увидела и решила сделать вид, что не увидела — так было тактичнее.

— Твоя очередь, — сказала Надежда Марине. — Про тебя можно?

— Давай. — Марина откинулась. — Только честно.

— Ты очень быстро занимаешь всё пространство, — сказала Надежда. — Не физически — голосом, темпом, энергией. Тыходишь — и сразу понятно, что ты здесь. Это хорошо, это сила. Но иногда ты не оставляешь человеку рядом места для того, чтобы тоже быть. Ты говоришь, решаешь, оцениваешь — и делаешь это так быстро, что другой не успевает вставить что-то своё. А потом удивляешься, что рядом оказываются тихие и удобные, а не равные.

Марина молчала.

— Это правда? — спросила она наконец.

— Я так вижу, — сказала Надежда. — Можно ошибаться.

— Нет, — сказала Марина. — Не ошибаешься. Мне так и говорили. Разными словами, но про то же. — Она побарабанила пальцами по столу. — Я не специально.

— Я знаю, — сказала Надежда. — Ты просто привыкла быть одна и справляться сама. Когда долго никого нет рядом — разучиваешься оставлять место для другого.

За стеной у Антона что-то громко взорвалось в игре, потом стихло.

Три женщины сидели за кухонным столом в двушке в Мурино и молчали — но не неловко, а как-то иначе. Как молчат люди, которые только что сказали что-то важное и теперь дают ему осесть.

Потом Марина встала, взяла чайник, поставила на плиту.

— Ещё чаю, — сказала она. Не спрашивая — просто сообщая.

— Пожалуйста, — сказала Надежда.

— Да, — сказала Александра.

Марина стояла спиной к ним, смотрела на чайник.

— Знаете что, — сказала она, — я думала, что это будет какая-то ерунда. Три тётки на кухне жалуются на жизнь.

— А оказалось? — спросила Надежда.

— Оказалось — тоже три тётки на кухне. Но без жалоб. — Пауза. — Это лучше.

— Значительно, — сказала Александра.

Чайник загудел.

— Ладно, — сказала она, не оборачиваясь. — Приложения. Регата. Работа над собой.

Когда начинаем?

— Сегодня, — сказала Александра.

— Прямо сейчас?

— Прямо сейчас. Достаньте телефоны.

Марина обернулась.

— Ты хочешь, чтобы мы прямо здесь, на кухне, зарегистрировались в приложении для знакомств?

— Да.

— Все трое?

— Все трое.

— А пирог?

— Пирог никуда не денется, — сказала Надежда и сама удивилась, что повторила Александрину фразу.

Александра достала телефон. Надежда, поколебавшись секунду, тоже. Марина посмотрела на них обеих, вздохнула с видом человека, которого втянули в авантюру, и полезла в карман куртки, висевшей на спинке стула.

— Какое скачиваем? — спросила она.

— То, что в таблице первое, — сказала Александра. — «Театлав».

— Смешное название.

— Неважно, как называется. Важно, что работает.

Несколько минут в кухне было тихо — только звук скачивания, регистрации, и периодическое «тут что писать» от Марины.

— Имя, — сказала Александра.

— Настоящее?

— Можно сокращённое. Марина — нормально.

— А возраст?

— Настоящий.

— Прямо вот сорок три?

— Марина, — сказала Александра, — если ты напишешь тридцать восемь, а он окажется нормальным мужчиной, то при первой встрече придётся объяснять.

— Может, к тому времени помолодею.

— Сорок три, — сказала Александра.

— Сорок три, — согласилась Марина без особого энтузиазма.

Надежда сидела над телефоном с видом человека, разминирующего бомбу.

— Здесь написано — загрузите фото, — сказала она. — Какое фото?

— Хорошее, — сказала Марина. — Где ты нормально выглядишь.

— У меня нет таких фотографий.

— Как нет?

— Ну, есть фото с выпускного класса, где я с учениками. И с новогоднего вечера, но там я в костюме Снегурочки.

— Снегурочки, — повторила Марина.

— Нас заставили. Я была против.

— Надя, — сказала Марина, — Снегурочку не загружаем.

— Я понимаю.

— Сфотографируйся сейчас, — сказала Александра.

— Прямо сейчас?

— Да. Свет хороший, ты прилично одета. Встань вон там — у окна.

Надежда посмотрела на окно, потом на свой джемпер, потом на Александру.

— Ты серьёзно?

— Я всегда серьёзно, ты уже знаешь.

Надежда встала, прошла к окну, повернулась. Серый петербургский свет падал на неё мягко — размывал морщинки, делал глаза светлее.

— Куда смотреть?

— На меня, — сказала Марина, уже с телефоном наготове. — Только не как на директора школы. Просто смотри.

— Как?

— Как смотрят на человека, которому рады. Вот так.

Надежда посмотрела. Марина сделала три снимка быстро, без предупреждения.

— Всё, готово.

— Уже?

— Уже. — Марина перекинула фото. — Вот, смотри сами.

Надежда взяла телефон, посмотрела на фотографию. На экране была женщина у окна — спокойная, немного растерянная, но именно эта растерянность делала её живой. Не постановочной. Просто человек.

— Это я? — спросила Надежда.

— Нет, это я так, случайно постороннюю женщину сфотографировала, — сказала Марина.

— Мне нравится, — сказала Надежда тихо. Не кокетливо — удивлённо.

— Загружай, — сказала Александра.

Надежда загрузила. Потом долго читала анкету, заполняла поле за полем — аккуратно, как контрольную работу.

В графе «о себе» написала: «Люблю литературу, тихие разговоры и настоящий чай. Ищу человека, которому есть что сказать и который умеет слушать».

Показала Марине.

— Нормально? — спросила она.

— Хорошо, — сказала Марина. — Только убери «настоящий чай».

— Почему?

— Потому что звучит, как будто ты ищешь чаепитие, а не мужчину.

— Но я действительно люблю настоящий чай.

— Это пояснишь на второй встрече. В анкете — убери.

Надежда убрала. Перечитала. Кивнула.

— А ты что написала? — спросила она Марину.

Марина показала телефон. В графе «о себе» было: «Марина. Сорок три. Без игр и без лишних слов. Если есть что сказать — говорю прямо, того же жду в ответ».

— Коротко, — сказала Надежда.

— Я так и живу.

— Может, добавить что-нибудь тёплое? — осторожно спросила Надежда. — Чтобы не казалось строго.

— Я и есть строго.

— Марина, — сказала Александра, — она права. Первое впечатление по анкете — ты принимаешь заявки на собеседование.

— Ну и что?

— Мужчины пугаются.

— Значит, слабые.

— Значит, обычные, — поправила Александра. — Добавь одно предложение. Что-нибудь, что показывает — ты живой человек, а не условие договора.

Марина смотрела в телефон. Думала.

— Вот, — сказала она, наконец, и показала.

К тексту добавилась строчка: «Пеку пироги. Иногда делюсь».

Надежда засмеялась.

— Что? — сказала Марина.

— Нет, это хорошо. Правда, хорошо. «Иногда делюсь» — это очень честно.

— Стараюсь.

Александра дочитала свою анкету и повернула телефон к остальным. Фотография была сделана явно профессионально — не постановочный портрет, но из тех снимков, где человек знает, как выглядит хорошо, и знает это давно. Текст был такой: «Александра. Люблю, когда слова точные, а договорённости соблюдаются. Ищу человека, рядом с которым можно не объяснять каждый шаг».

Марина читала молча.

— Что? — спросила Александра.

— Ничего. Хорошо написано.

— Но?

— Но это анкета на позицию партнёра по бизнесу.

— Я так и живу, — сказала Александра — и сама услышала, что повторила Маринину фразу.

Марина подняла глаза. Они секунду смотрели друг на друга.

— Добавь что-нибудь человеческое, — сказала Марина. — Не слабость. Просто — что-то, что ты любишь не потому, что это эффективно.

Александра смотрела в телефон.

— Я люблю смотреть на воду, — сказала она вдруг. — С набережной. Вечером. Ни о чём не думать — просто смотреть.

Марина и Надежда молчали — потому что это было неожиданно. Не плохо, просто неожиданно — от человека с блокнотом и таблицей по шести параметрам.

— Вот это и напиши, — сказала Надежда тихо.

Александра помолчала. Потом добавила в конце анкеты: «По вечерам хожу на набережную смотреть на воду. Это единственное, что делаю без плана».

Показала.

— Вот, — сказала Марина. — Теперь человек.

— Мне самой странно, — сказала Александра.

— Привыкнешь.

Они сидели втроем над телефонами — три анкеты, три фотографии, три коротких текста о том, кто они и кого ищут. За окном Петербург жил своей субботней жизнью. Антон за стеной убавил звук в игре — может, услышал тишину на кухне и решил не мешать.

— Ну, — сказала Марина, — и что теперь?

— Теперь ждём, — сказала Александра.

— Долго?

— Не знаю.

— Ты не знаешь? — Марина приподняла бровь. — Первый раз слышу.

— Привыкай, — сказала Александра.

Марина хмыкнула. Взяла последний кусок пирога.

— Тогда пока ждём — давайте ещё чаю.

## **Конец ознакомительного фрагмента.**

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.